

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.11.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.12.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-11-196-200

ЖЕЛТОВ Андрей Александрович,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
(ВИПЭ ФСИН России),
e-mail: ztv73@mail.ru

ПРОТОРУССКИЕ РЕЛИКТЫ В ПРАКТИКЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация. В статье сделана попытка проследить применение в древнерусской практике уголовных наказаний правового реликта, восходящего к периоду, предшествовавшему появлению Русской Правды. Правовая традиция повешения преступника на дерево, существовавшая у русов, описана в начале X века в сочинении Ибн Фадлана. Русская Правда с конца XI века после изменений, внесенных тремя сыновьями Ярослава Мудрого (Ярославичами), не предполагала смертной казни. Все виды наказания в ней сводились к денежным выплатам (вирам и продажам). Несмотря на это, в летописях известны случаи (дважды в конце XI века и один в начале XIII века) применения смертной казни, сопряженной с повешением на дерево. Таким образом, наряду с письменным законом в период Древней Руси существовала правовая практика, опиравшаяся на традицию. Вероятно, она просуществовала параллельно с Русской Правдой вплоть до появления централизованного Московского государства, повлияв и на его систему уголовных наказаний.

Ключевые слова: древнерусское право, Русская Правда, правовой реликт, казнь повешением, правовая традиция, правоприменение в Древней Руси, многоукладность права.

ZHELTOV Andrey Aleksandrovich,
candidate of historical sciences, associate professor,
associate professor of the Department of Philosophy and History,
Vologda Institute of Law and Economics Federal Penitentiary Service

PROTO-RUSSIAN RELICS IN THE PRACTICE OF CRIMINAL PUNISHMENTS IN ANCIENT RUS'

Annotation. This article attempts to trace the application of a legal relic in ancient Russian criminal punishment practice, dating back to the period preceding the emergence of the Rus' Truth. The legal tradition of hanging a criminal on a tree, which existed among the Rus', is described in the early 10th century in a work by Ibn Fadlan. The Rus' Truth, from the late 11th century, after amendments introduced by the three sons of Yaroslav the Wise (Yaroslavichs), did not provide for the death penalty. All forms of punishment were limited to monetary payments (virs and sales). Despite this, chronicles document instances (twice in the late 11th century and once in the early 13th century) of the death penalty involving hanging on a tree. Thus, alongside written law, a legal practice based on tradition existed in the period of Ancient Rus'. It likely existed alongside the Russkaya Pravda until the emergence of the centralized Muscovite state, influencing its system of criminal penalties.

Key words: Old Russian law, Russkaya Pravda, legal relic, execution by hanging, legal tradition, law enforcement in Old Rus, legal diversity.

Одно из самых ранних исторических свидетельств о практике уголовных наказаний древних русов было оставлено арабским дипломатом и путешественником Ибн Фадланом (под этим именем он наиболее известен) еще в начале X века. Ахмад ибн

ал-Аббас ибн Фадлан в 911-912 годах посетил Волжскую Булгарию с посольской миссией. В ходе этого путешествия он познакомился с бытом и жизнью целого ряда народов, живших по нижнему и среднему течению Волги, о чем оставил описания. Также он столкнулся на средней Волге с груп-

пой купцов русов и наблюдал за их похоронным обрядом. Поэтому ряд сведений, которые Ибн Фадлан приводит, были получены в результате личных наблюдений. Другие сведения он получил в беседах с третьими лицами. К последним относится сообщение о практике уголовных наказаний, используемой русами. В своем произведении «Рисала» (Записка) Ибн Фадланом сообщает о руссах следующее: «И если они поймают вора или грабителя, то они поведут его к толстому дереву, привязывают ему на шею крепкую веревку и подвешивают [его на нем] навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей» [1, с. 80].

Однако такие меры наказания расходятся с «Русской Правдой», в которой почти исключительно используется средства экономического характера – штрафы (виры и продажи). Только лишь в самый ранний период возникновения и развития «Русской Правды» в «Правде Ярослава» существовала смертная казнь (убийство) для убийцы, осуществлять которую могли лишь близкие родственники убитого. В дальнейшем развитии «Русской Правды» в конце XI века в «Правде Ярославичей» казнь убийцы была заменена на выплату виры. В составе «Правды Ярославичей» о возможности убийства убийцы уже не упоминается, а для каждой социальной группы населения приводятся разные размеры виры. В «Пространной редакции» «Русской Правды» говорится непосредственно об отмене права убийства убийцы родственниками по решению княжеского съезда, проведенного тремя князьями Ярославичами (сыновьями Ярослава Мудрого): «По Ярославе же паки совокупившися сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перег, Никифор, и отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати...» [2, с. 87].

Конечно можно допустить, что информация о уголовно-правовой практике русов, описанная в сообщении Ибн Фадлана, не соответствует действительности, так как является не результатом его личных наблюдений, а получена от третьих лиц. Или, как вариант, данная традиция уголовных наказаний относится к более раннему периоду (путешествие Ибн Фадлана приходилось на самое начало X века), а с момента появления «Русской Правды» (с 30-х гг. XI века) она исчезла из употребления. Впрочем, в летописных известиях и в поздний период, зачастую в противоречие Русской Правде, отмечаются казни преступников, сопряженные с повешением на дереве.

Первое такое упоминание встречается в древнейших из известных летописных сводов (Лаврентьевском и Ипатьевском) в сообщении, размещенном под 1071 годом (лето 6579), где говорится о столкновении Яна Вышатича с «волх-

вами» у Белоозера. Летопись их называет попеременно то «кудесниками», то «волхвами», но в литературе за ними закрепилось наименование «волхвы». Эти «волхвы-кудесники» представляли собой не языческих жрецов (как их обычно показывают), а сектантов христианского толка. В описываемый летописью период было «единою скудiti в Ростовъстеи области» (т.е. скудно едой в Ростовской земле) и «волхвы» обвиняли лучших жен, что они обилье держат (т.е. предвосхитили инквизицию и охоту на ведьм). В доказательство своих слов они показывали фокусы (отсюда, по-видимому, и «кудесники»), разрезали над плечом у женщин платье и извлекали жито или рыбу. «Волхвы» прошли по Волге и Шексне и достигли Белоозера, а по пути перебили многих женщин.

В это же время в районе Белоозера Ян Вышатич («Янь сын Вышатин») «прити от Святослава дань емлющую», т.е. собирал дань с местного населения. Ему удалось захватить этих «волхвов». После теологической беседы, он отвез их в устье Шексны и спросил у «повозников» у кого «от сих» были родные убиты. Объявившимся родственникам убитых он выдал «кудесников» на расправу, сказав им: «мстите за своих». Лаврентьевская летопись отмечает, что родные убитых: «они же поимше оубиша я и повесиша е на дубе» [3, с. 175-178]. Текст Ипатьевской летописи не сильно расходится с этим: «они же поимше я избиша и и повесиша я на древе» [4, с. 166], хотя и создает некоторые дополнительные вопросы. В частности, возникают сомнения, каким путем было произведено умерщвление: сначала убили и тело повесили в назидание, или просто избили и умертвили путем повешения. Оба теста можно трактовать в обоих вариантах.

А.А. Горский, разбиравший в своей работе данный летописный сюжет, видел в нем подтверждение норм Русской Правды, точнее первой статьи в раннем ее варианте – «Правде Ярослава». Действительно, Ян Вышатич не сам убил «волхвов-кудесников», а выдал их на расправу родственникам убитых, причем степень родства была уточнена [5, с. 54-99]. Первая статья «Краткой редакции» четко ограничивает список лиц, которые могут мстить за убийство: «Оубъеть моуж моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоучадоу, любо сестриноу сынови...» [2, с. 75], т.е. брат за брата, сын за отца, отец за сына, или племянник за дядю. Ян Вышатич как раз нашел сына одной из убитых, брата другой и иных родичей.

В сюжете с казнью «волхвов», произведенной Яном Вышатичем, особо обращает на себя внимание повешение трупа или тела на дерево, как это описано у Ибн Фадлана. Текст летописей,

вероятно, нужно понимать как то, что «волхвов» сначала убили, а потом тело повесили на дерево, как дополнительное наказание и угроза прочим – тем, кто может решиться на подобные же деяния. Хотя в продолжение летописного текста позволяет допустить и вариант, что повешенные на дерево могли даже еще оставаться живы: «Яневи же идущю домовъ. В другую ночь медведь влезъ оугрызъ я снеде кудеснику. И тако погибнуста наоучениемъ дьяволимъ». Или же летописец пытался представить поедание медведем уже мертвого тела как дополнительную кару еретикам.

Если бы случай с подвешиванием тел «волхвов» был бы единственным, то его можно было бы принять за инициативу исполнителей. Однако в летописях обнаруживаются и другие примеры подобной практики уголовных наказаний.

В 1097 году, сразу после Любечского съезда князей, князь владимир-волинский Давид Игоревич, с разрешения киевского князя Святополка Изяславича, захватил и приказал ослепить князя теребовльского Василько Ростиславича. В том же году Василько со своим братом Володарем (князем перемышльским; сейчас Перемышль является городом Польши под названием Пшемьсль) осадил Давида Игоревича во Владимире-Волинском. Братья не смогли захватить город и обратились к жителям Владимира с предложением выдать им их врагов Туряка, Лазаря и Василя «ти бо суть намолвили Давида и тех с послушал Давид и створил се зло». После решения веча, Василько и Володарь Ростиславичи договорились об их выдаче с Давидом Игоревичем. В тот момент обсуждаемые лица находились не во Владимире, а были отправлены Давидом с поручением Лучанск. Туряк убежал в Киев, а Василь и Лазарь возвратились и были выданы Ростиславовичам. Василько и Володарь Ростиславичи, сотворив мир с Давидом, «а завтра по зори повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами Василковичи и идоша от града» [3, с. 268].

Данное событие произошло уже значительно позднее (на четверть века) принятия «Правды Ярославичей», которая, как предполагают, была утверждена на Вышгородском княжеском съезде в 1072 году. «Правда Ярославичей» заменила кровную месть (смертную казнь) на выплату виры, но, как видим, параллельно сохранялись и действовали иные правовые традиции. Кем были расстрелянные Васильковичи из текста летописи не понятно (возможно сыновья Василя). Однако к своим врагам Василю и Лазарю, по летописи возведшим на него клевету, князь Василько Ростиславович применил кару в виде повешения. Смертная казнь путем повешения традиционно считается наиболее позорной. С одной стороны

мертвое тело выставляется на обозрение как пример понесенной кары, а также надругательство над трупом. С другой стороны возможны были соображение и более мистического характера. В частности в более поздний период считалось, что душа повешенного не может покинуть тело или выходит через задний проход и оскверняется [6, с. 54].

Следующий случай казни, сопряженной с повешением, был отмечен в летописях даже в начале XIII века. В Ипатьевской летописи за 1208 году (лето 6716) сообщается, что князя Игоревича избивали «бояре Галичские» (т.е. бояре города Галича), коих было убито числом 500, но иные разбежались. В числе последних были Судислав и Филипп, которые убежали к венграм («бежа по Угры»). В Венгерской земле они нашли малолетнего Данила, сына бывшего галичского князя Романа, и обратились к венгерскому королю с просьбой помочь вернуть его на галичский престол. После занятия Звенигорода, разгрома собравшегося русско-половецкого войска и бегства Владимира Игоревича из Галича, князем в Галиче был посажен Даниил Романович. Захваченных в плен князей Игоревичей венгерский король Андраш II собирался увезти с собой, но их выкупили бояре Галича и казнили: «Ятымъ же бывшимъ княземъ, Роману, Святославу, Ростиславу, Угром же хотящемъ е вести королеви, Галечаномъ же молящимся им, да быша и повесили, мсти ради; убежени же бывшее Угре великими дарьми, предании быша на повешение, месяца сентября» [7, с. 159].

Воскресенская летопись данное событие датирует 1211 годом (лето 6719): «Того же лета Галичане приведоше к собе Угры отай через горы, и изымаша князя своя Игоревичи 3, Романа с братома, и бившее их повешаша их» [8, с. 117]. Такой же текст и год содержит Львовская летопись: «Того же лета Галичане приведъ к себе Угры отай, и изымаша князей своих Игоревичев трех, Романа и братью его; бивша их, повесиша» [9, с. 147].

Таким образом, в 1208 или 1211 году бояре Галича казнили трех князей Игоревичей (Романа, Святослава и Ростислава), бывших сыновьями героя «Повести о полку Игореве». Хотя Ростислава некоторые исследователи считают внуком Игоря, сыном Романа. Казнь, включавшая повешение, была произведена из мести и в качестве наказания за деяния (преступления), совершенные самими князьями в отношении местных жителей. Мщение осуществилось родственниками убитых бояр, что тоже является уже реликтом периода о принятия норм «Правды Ярославичей».

Подробно это историческое событие разобрал в своем исследовании С.Б. Чебаненко [10, с. 162-181]. Он пришел к выводу, что данная казнь не была проявлением импульсивного насилия, а была проведена с соблюдением ритуальной и правовой традиции, существовавшей в период Древней Руси.

Можно предположить, что практика наказания путем повешения была достаточно распространена в Древней Руси. Летописи фиксируют лишь исключительные случаи, связанные с князьями, или какие-то вопиющие случаи необоснованных массовых казней. Случай с Яном Вышатичем попал в летопись только из-за повышенного внимания монаха-летописца к борьбе с конкурентными религиозными течениями.

О существовании на Руси в ранний период (в XI веке) смертной казни в виде повешения не только за убийства, но и за кражи, возможно, свидетельствует рассказ о Григории Чудотворце, содержащийся в Киево-Печерском патерике. В нем вор, пытавшийся украсть яблоки, был повешен на дереве. Конечно, с учетом источника возможно сюжет является полным вымыслом. Впрочем, разбор данного сюжета, предложенный С.Б. Чебаненко, допускает, что в рассказе отражается случай реальной казни за кражу [11, с. 81-97].

Смертная казнь путем повешения проявляется и после периода Древней Руси, что может быть свидетельством сохранения данного реликта на всем протяжении практики уголовных наказаний. Побывавший в России (Московии) в начале XVI века Сигизмунд фон Герберштейн отмечал использование повешения к разбойникам. Так же он упоминал о сохранении в это время зафиксированной в «Русской Правде» нормы о безнаказанном убийстве вора, пойманного с поличным [12, с. 118]. В «Русской Правде» допускалось убийство вора пойманного в своем дворе ночью. Герберштейн отмечал, что смертная казнь в Московии применяется очень редко и только для разбойников, которые ее заслужили.

С учетом всего изложенного, можно высказать предположение, что правовая традиция повешения преступника, существовавшая до XI века, продолжала использоваться и после введения кодекса «Русской Правды». Однако спектр ее применения сузился. Если в X-XI веках она применялась к вора, то в дальнейшем стала использоваться лишь исключительно за преднамеренные виновные деяния, повлекшие тяжкие последствия (как правило, убийства). Возможно, эта традиция сохранилась и до появления централизованного Московского государства, когда применялась за убийства во время разбоя.

Список литературы:

- [1] Книга Ахмеда Ибн Фадлана, посла аль-Муктадира к царю славян // Путешествие Ибн Фадлана на Волгу: перевод и комментарии / под ред. акад. И.Ю. Крачковского. Москва, Ленинград, 1939. С. 53-86.
- [2] Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / под ред. проф. Б.А. Рыбакова. Москва, 1953.
- [3] Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною историко-археографической комиссией Академии наук СССР (далее – ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Москва, 1997. Вып. 1. Изд. 2. С. 175-178.
- [4] ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. Вып. 1. Изд. 3. Ленинград, 1923. С. 166.
- [5] Горский А.А. Нормы Русской Правды и судебная практика: Янь Вышатич на Белоозере // Исторический вестник. 2016. Т. 17. № 164. С. 54-99.
- [6] Мауль В.Я. Ритуальный символизм повстанческой казни в России (по материалам пугачевского восстания) // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276 (март). Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». С. 53-62. С. 54.
- [7] ПСРЛ, изданное Археографическою комиссией. Т. 2. III. Ипатьевская летопись. Санкт-Петербург, 1843. С. 159.
- [8] ПСРЛ, изданное Археографическою комиссией. Т. 7. VII. Летопись по Воскресенскому списку. Санкт-Петербург, 1856. С. 117.
- [9] ПСРЛ, изданное Археографическою комиссией. Т. 20, первая половина. Львовская летопись. Ч.1. Санкт-Петербург, 1910. С. 147.
- [10] Чебаненко С.Б. Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты события // Русин. 2014. № 2 (36). С. 162-181.
- [11] Чебаненко С.Б. Кровавая месть или смертная казнь: об одном известии о Григории Чудотворце (последняя треть XI века) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 8. С. 81-97.
- [12] Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; под ред. В.Л. Янина. Москва, 1988.

References:

- [1] Book of Ahmed Ibn Fadlan, ambassador of al-Muqtadir to the king of the Slavs//Journey of Ibn Fadlan to the Volga: translation and commentaries/ ed. Acad. I.Yu. Krachkovsky. Moscow, Leningrad, 1939. S. 53-86.
- [2] Tikhomirov M.N. Manual for the study of Russian Truth/ed. Prof. B.A. Rybakova. Moscow, 1953.

[3] The complete collection of Russian annals published by the permanent historical and archaeological commission of the USSR Academy of Sciences (hereinafter - PSRL). T. I. Lavrentievsky Chronicle. Moscow, 1997. No. 1. Ed. 2. S. 175-178.

[4] RRP. T. 2: Ipatiev Chronicle. No. 1. Ed. 3. Leningrad, 1923. S. 166.

[5] Gorsky A.A. Norms of Russian Truth and Judicial Practice: Yan Vyshatich on Beloozero//Historical Bulletin. 2016. VOL. 17. № 164. S. 54-99.

[6] Maul V.Ya. Ritual symbolism of the rebel execution in Russia (based on the materials of the Pugachev uprising)//Bulletin of Tomsk State University. 2003. No. 276 (March). Series "History. Local history. Ethnology. Archaeology." S. 53-62. S. 54.

[7] PSRL published by the Archaeographic Commission. VOL. 2. III. Ipatiev Chronicle. St. Petersburg, 1843. S. 159.

[8] PSRL published by the Archaeographic Commission. VOL. 7. VII. Chronicle according to the Resurrection list. St. Petersburg, 1856. S. 117.

[9] PSRL published by the Archaeographic Commission. T. 20, first half. Lviv Chronicle. Ch.1. St. Petersburg, 1910. S. 147.

[10] Chebanenko S.B. Execution of princes Igorevich in Galich: legal and ritual aspects of the event//Rusin. 2014. № 2 (36). S. 162-181.

[11] Chebanenko S.B. Blood revenge or the death penalty: about one news about Gregory the Wonderworker (the last third of the 11th century)// Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas. 2017. No. 8. S. 81-97.

[12] Herberstein S. Notes on Muscovy/trans. With German A.I. Maleina and A.B. Nazarenko; ed. V.L. Yaninina. Moscow, 1988.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.